

Таня Лоскутова

СТИХИ

Таня Лоскутова

СТИХИ

Стихи и художественные работы Тани Лоскутовой -
на сайте www.TanyaLoskutova.com

Бостон 2013

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Иноходец.....	5
Чтоб сохранить живую душу.....	6
Сваляем, бабы, на бегу.....	7
Вот дерево качнулось за окном.....	8
Двойник.....	11
Ох, как труден путь с Татьяной.....	13
Злое стихотворение.....	15
Акварель.....	16
Стих о точилке.....	17
Погоды ветренность сулят.....	18
Оборотившись к книжной полке.....	19

ДРУЗЬЯМ

Евгении Павловской.....	21
Свете Дрезниной.....	22
Марку К.	25
Иосифу, с любовью.....	27
Марусе Крутоус.....	29

Алле Денисенко.....	30
Марку Ласко.....	31
Ире Ф.	32
Фиме К.	33
Наташе.....	35
Витусе.....	39
Вите Г.	45
Анюте.....	47
Иосифу.....	49
Веде.....	51
Анне К.	53
Янику.....	55
Подруге.....	57
Иосифу.....	58
Маркуше.....	60
Ольге Ф.	63
Толе.....	65
Римме.....	66
Свете и Гене.....	68

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Иноходец

Я - иноходец. Я хожу иначе.
Иначе сплю. Иначе ем овёс.
Гляжу не так. А если так, то значит,
Меня нельзя и принимать всерьёз.

Я - иноверец. Нет, совсем не верю...
Не верю в веру, в прочую муру.
В запрет не верю. И не верю в двери,
Что вечно заперты. А это - не к добру...

Я - иностранец. Думаю про страны,
В которых я не буду никогда,
А думаю, что буду. Это - странно.
И без меня бегут мои года.

И без меня всё в мире происходит.
И без меня уже который год
На Белом море белый снег не сходит.
Иной там снег. Он больше не сойдёт.

Иносказанье я. Я - идиома.
Я - ино-что-то в чувствах и делах.
Я - иномысль. И даже по-иному
Я отражаюсь в разных зеркалах...

Чтоб сохранить живую душу

Чтоб сохранить живую душу,
Любую заповедь нарушу.
Но вот, с которой бы начать?

Как мне, не ведая надежды,
Сорвать постылые одежды
И обнажённой не предстать?

Как мне моё живое чувство
Так сублимировать в искусство,
Чтоб, показав, не показать?

Как мне пред зрителем пытливым
Предстать крылатой половиной,
И не соврать?

И, замысел срывая божий,
Как на холсте средь шляпок, ножек,
Мне скрыть наличие острых рожек,
И не пропасть?

Сваляем, бабы, на бегу

Сваляем, бабы, на бегу
Хотя бы бабу.
В снегу ль, в стогу, на берегу,
Под баобабом.
Из ничего, из чепухи, из разговора.
Сваляем, бабоньки, стихи и много вздора.
Свалять бы, бабы, абы как
Хоть дурака бы...
Нам на троих - один дурак,
Ему - три бабы...

Вот дерево качнулось за окном

Феле

Вот дерево качнулось за окном.
Какое? Мне мешают видеть слезы.
Но для стиха вполне сойдёт берёза.
Не выдумай я слез, мне подошёл бы клён.

А я гляжу в окно. И непогоде рада.
Ведь в день погожий стих совсем иной.
И я не говорила бы с тобой (верней, с собой),
И стих корявый мне б не стал наградой.

Наградой за томленье и разброд,
Смятенье в мыслях, в голове и в теле,
За то, что нет меня на самом деле,
А всё вокруг, наоборот, живёт.

И жизнь дала берёзе и окну я,
И ничего не значащим предметам.
И нарекла сама себя поэтом.
Я не стыжусь. Ведь я - не существую.

Не на моих ресницах тает тушь.
Законы физики - для тех, кто существует,
Сосуды, что сообщаются - пустуют:
Иллюзия общающихся душ.

Я не живу. Но вечный диалог
Веду с собой. На что-то отвечаю
И даже головой (которой нет) качаю,
Переступив небытия порог.

А иногда я роли раздаю
В своих же драматических этюдах.
И я слежу откуда-то оттуда
Как строю и крушу я жизнь твою.

Крушу я ночью, строю - по утрам.
Создавшей, мне, и разрушение сладко.
Весь мой театр - открытая площадка,
Нет, поле, что открыто всем ветрам.

Я поле частым обнесу забором
Ненужных слов и пустяковых дел,
И мелкой суетой, чтоб ты не разглядел
Абсурдный мой театр для одного актёра.

Двойник

*(На одной моей акварели – два моих «я».
Одно моё «я» - лежит почти бездыханно,
другое - прозрачное, смотрит на него,
не отражаясь в зеркале)*

С собою, дерзкая, играла
Не вняв ни сердцу, ни уму,
И смерть бесстрашно призывала
К живому телу своему.

Я оказалась утром ранним
И не в аду, и не в раю...
Ах, как мне весело на грани,
Ах, как мне страшно на краю!

Я в изумлении глядела
Как спит двойник мой, не дыша...
Насколько было это тело
Спокойней, чем моя душа.

Моё ж спокойствие кричало:
О, не пора менять, Творец,
Моё греховное начало
На этот праведный конец!

Я попрошу ещё отсрочку,
Я поменяю свой билет,
Моя астральная сорочка
Тесней, чем платье юных лет!

Мне не поверить в жизни оной
В освободившееся «я»,
Как не постигнуть эмбриону
Всю многогранность бытия.

Как тело мне подходит статью,
Как сердце радостно стучит,
И ринусь я в свои объятия,
И нас никто не разлучит!

Вновь потянусь к запретной двери,
Возненавидя белый свет,
Взглянуть на то, во что не верю,
Поверить в то, чего там нет.

Ох, как труден путь с Татьяной

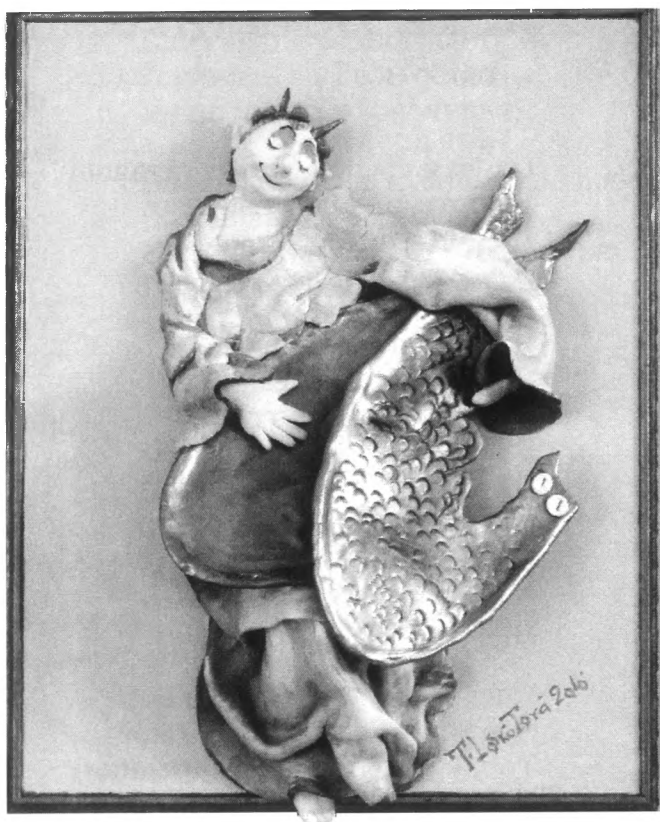
Ф.

Ох, как труден путь с Татьяной,
Будь ты пьян или не пьян.
Не ищи во мне изъяна,
Я сама себе изъян.

Я - сама в себе заноза.
Я - себе кошмар сама,
Позитивности - угроза,
Благодушию - чума.

Неумелая грязнуля,
Недомать, недожена...
Недовымыты кастрюли,
Недовсё, что я должна...

После каждой вечеринки
Что мне делать, милый мой?
То ли - спрятаться в картинки,
То ли - в омут головой?

Злое стихотворение

Веселье я найду в тоске.
Мне жарко будет на морозе.
Я прозу полюблю в стихе,
И стих возненавижу в прозе.

Надену красное пальто
И, объявив его зелёным,
Куплю речей фальшивых том,
К своим врагам явлюсь с поклоном.

Друзей предам по одному.
Обижу на углу девчонку.
И заведу себе болонку.
И сладость чёрных дел пойму.

Акварель

Как скошу я взгляд на вещи,
Так скосится всё кругом:
Дождик, мостик, сон мой вещей,
Небо, речка под мостом.

Серый дождик нарисую,
И фигурку на мосту,
И мечту свою косую,
Ни о чём свою мечту.

Нет перил, чтоб опереться.
Мост рассыпаться грозит.
Если лучше присмотреться -
Дождь косит и мост косит.

Облака плывут, как вата.
Облакам нельзя косить.
Но фигурка косовата,
Если честно говорить.

Серый дождик - дождик просто,
А фигурка - это я.
А мечта - так это остов
От бывшего корабля.

Я на мир глаза косила.
На меня мир глаз косил.
Я косила, что есть силы,
Но у мира больше сил.

Я спрямила взгляд на вещи,
И спрямилось всё кругом:
Дождик, мостик, сон мой вещей
И фигурка... под мостом.

Стих о точилке

Н.С.Б.

Беру точилку, чуть дыша...
Нет под рукой карандаша!
Есть под рукой один носок,
Пять зажигалок, поясок
От платья тесного давно.
Какое скучное кино!
Я ненавижу темы эти,
Мечты о лете и диете,
И обещанье, что опять
Пообщаю я гулять,
И жизнь начну с конца другого..
Но где же заданное слово?
Какой там нынче был предмет?
И от чего спасенья нет?
Ах, от любви? Большое дело!
Я в этом, как ни в чём, умела.
Я с ней живу, встаю, дышу.
Про это я и напишу!
Туп карандаш, но прочь волненье!
Мне эта тема так близка...
И, дрогнув, вывела рука:
«Я помню чудное мгновенье»...

Погоды ветренность сулят

Погоды ветренность сулят...
И я, внимая предсказаньям,
Лечу с горы своих желаний
Уже который год подряд.

А склон горы так скор, так крут,
А воздух - полностью разрежен,
И ветер так по-женски нежен,
И так же по-солдатски груб.

В моём пареньи есть нюанс.
В моём паденьи - не разбиться.
Оно, прервавшись, вверх стремится,
Как будто Малера каданс.

...

Я, сочиняя этот стих,
Капусту на зиму солила.
Я тоже ветренность сулила.
Да ветер к ночи подутих...

Оборотившись к книжной полке

На книжной полке вкривь и вкось –
Всё, что собрать мне довелось.
Стоит, названьями маня,
Всё, что писалось до меня.
Когда б не это (боже мой!),
Пришлось бы всё писать самой!

Иль в ночь, в которую не спится,
Я б рисовала на страницах,
Что так заманчиво чисты.
И кружевами на листы
Легли бы оды и сонеты,
Японских танок скрытый смысл,
Иль грандиознейшая мысль
Полузабытого поэта.

И даже, поздно или рано,
Я б «дописалась» до Корана.
А если б очень повезло,
Я Губерману бы назло
Писала б гарики в рядок,
И в строчку то, что между строк...

Сменяли бы хорей ямбы...
Мне спать пора. А то бы, я бы...
Стоит кровать, меня маня,
Душа признательностью дышит
Всем, кто меня, увы, не слышит,
Кто поработал за меня.

ДРУЗЬЯМ

*Рассудочность - вот первородный грех.
Душа, едва успевшая родиться,
В полете не успеет распрямиться,
Как здравый смысл одерживает верх.*

*Но это там, где дружбы смысл утерян.
У нас же - всем законам вопреки –
Из воздуха слагаются стихи,
И танцы так над пропастью легки,
И нежность нам отмеривает время.*

Евг. Павловской

Я тебя ревную горько, -
Будь то Кирка или Борька,
Или весь твой Нижний Горький, -
Я устала ревновать...

Но ревную неустанно.
Я однажды, видно, спьяну,
Ревновала аж к Натану,
Адвокатова ты мать!

Я тебя ревную к книжке,
Кнопкам, дискам, даже к «мышке»,
И к негодному мальчишке,
К пустоте и суете...

Пред моим ревнивым взором
Ты и Маша с монитором
За неспешным разговором
Занимаетесь не тем.

Возмущаюсь я, в натуре,
Всё б тебе, несчастной дуре,
По своей клавиатуре
Тонким пальчиком стучать.

Возникает здесь вопросик:
Где тебя поутру носит,
Вместо встать, попудрить носик,
И ко мне скорей бежать?!

Свете Дрезниной

Счастливые не смотрят на часы...
Не верь, подруга, байкам глупым этим.
Всех заблуждений и не счесть на свете.
Куда ж смотреть? Неужто на весы,

Что взвешивают счастье так неверно,
Так скупое, и не тем, и не тогда?...
Летят над нами взвешенно года
И взвешенные радости, наверно...

И взвешенная мысль, что есть черёд
Всему на свете: вёснам, зимам, летам,
И нужно помнить нам всегда об этом...
Ах, милая, давай наоборот!

Давай, назначь-ка зиму на апрель,
А лето - на ближайшую субботу.
И захвати внучонка на работу,
И вместе полюбуйтесь на капель...

Найдите гриб под старым фонарём.
Под снегом - благородную фиалку.
Босым по снегу - весело и жарко,
Коль назовёте это летним днём!

А дома, чтоб опять набраться сил,
К часам каминным подойдите тихо.
На них - мои фигурки пляшут лихо...
Послушайте старинный клавесин.

И можно не смотреть на стрелок бег –
Ведь наша жизнь не в ведении стрелок,
Людей, богов, летающих тарелок...
Назначь себя счастливым, человек!

***Марку К. — просветителю,
собирателю и человеку***

Ты собираешь всё подряд:
Открыток, книжек плотный ряд,
И, даже, люди говорят,
Не брезгуешь деньгами.

Живёшь ты, словно бы ничей,
Не отдаёшь жене ночей,
А врёшь, что просто книгочей,
И властвуешь умами...

Служить презренному тельцу
Интеллигенту не к лицу,
А также деду и отцу,
Не говоря о муже.

Ты с бабой - в первом этаже,
Второй - под «бабками». Уже
От денег тесно в гараже
И новый подпол нужен.

Не позавидуешь судьбе:
Сидишь в зашторенной избе,
Таганка плачет по тебе,
Бутырка плачет тоже...

Дорогу выбрал ты не ту.
Кому поведаешь мечту?
Лишь шестипалому коту
С невозмутимой рожей?

На эти деньги мог бы ты
Жене весь год таскать цветы.
Потом, устав от маеты,
И потускневших буден,

Сжечь за собою все мосты,
С друзьями пить до дурноты,
И поверять свои мечты
Осоловевшим людям.

Хоть ты не Байрон, ты другой,
Своею думай головой,
И ты поймёшь... что перепой –
Он недопоя стоит.

Обижусь, после не зови.
А впрочем, чёрт с тобой, живи,
Коль ты предмет моей любви –
С тобой я выпью стоя.

Иосифу, с любовью

Иосиф! Я рискну опять
Вас в женской теме воспевать.
Быть может, очень нежным душам
И не пристало это слушать?

Писать могла б и о науке.
Но вы бы умерли со скуки.
Ваш человеческий талант
И так уже воспет стократ.

Писать как о примерном муже? –
Легко, но тут талант не нужен.
Могла б упомянуть в конце
Как о счастливейшем отце.

Но даже в этот юбилей
Мне б не хотелось лить елей.
Оставим лучше на потом
Мы очевидностей поток.

И коль вы молоды пока,
Любить мы будем мужика.
Тем более, для всех не ново,
Без женской темы - всё хреново.

Марусе Крутоус

Для многих лиц, личин и масок,
Что к нам приклеились давно,
В моей палитре хватит красок,
Но я б хотела, всё равно,

Сказать себе: И в самом деле,
Портрет лепи или пиши,
Но сделай, что б в тебя глядели
Из глубины глаза души.

И пусть материя первична,
Пусть ни при чём твоя душа.
Но в романтическом обличьи
Ты тоже дивно хороша.

Эротический пейзаж

Алле Денисенко

Смущает и волнует грудь
Твоя любовь к еврейской теме.
Но я рискую тем не менее
Создать иное что-нибудь.

Пускай в моей картинке вновь
Дома, деревья, камни. Даже
Старинной Англии пейзажи –
Тебе напомнят про любовь.

А я, всему живому внемля,
Рисую дальние поля,
Где небо падает на землю,

Где, сражены любви недугом,
Собаки тянутся друг к другу,
Где лошадь лошади подруга
И к небу тянется земля.

Другу, ставшему вегетарианцем

Марку Ласко

Бежать от старости - задача непроста.
Нежнеет то, что прежде было грубо:
Сперва алеют щёки и уста,
Потом ползет мудрость вместе с зубом...

Моложе стали тело и душа,
Уж и младенчество совсем не за горами...
(Хотя, признай, капуста хороша
Лишь в случае, когда «капуста» - money).

Не предавай дряхлеющих друзей,
Живущих от подушки до подушки.
Иначе на грядущий юбилей
Дарить тебе придётся погремушки.

Ире Ф.

Какие дивные слова:
Биробиджан, Алтай, Литва...
От них кружится голова,
И в голове кружится.

Ирина-свет, Ирина-джан,
Здесь ни при чём Биробиджан,
Париж, Пекин и Ереван,
И прочие столицы.

Но слухом полнится земля
И знаю я, что (будь я бля...),
Ты всё брала чего-то для,
И был зачем-то нужен

Алтай, где мысли так чисты,
Литва, где люди непросты,
И Бостон, где любима ты
Не только умным мужем.

Опять в уме Биробиджан...
А впрочем, им супруг был дан.
Лукавый глаз, точёный стан –
Сибирское создание.

Твоих достоинств перечесть
Не хватит сил, но если есть
Среди них совесть, ум и честь,
Ты остановишь эту лесть
И весь поток сознания ?

Фиме К.

Мой милый друг ! Не верь тому, что рядом.
Есть тайный смысл во всем, что пред тобой.
Кто нас ведет? Кто ведает судьбой?
Звезда ль, повисшая над полусонным садом...

Иль дух, что превратился в виноград,
Что нежно-женски назван «Изабеллой»?
Иль добрый гном, живущий в спальне белой?
(Где и сатиру каждый был бы рад!)

Иль нечто, подарившее любовь,
Не требуя взамен живую душу,
С одним условием: только не нарушить
То волшебство, что станет вновь и вновь

Тебе являться в сотнях озарений -
Что также невозможно объяснить
Как углядеть связующую нить
Меж запахом дождя и сменой настроений.

Непросто жить, всё сущее любя.
Но... не гони непрошенных сомнений.
Живи с душевным взором вглубь себя
И ты дождёшься дивных откровений.

Другу

Моей синеглазой Наташе

Скрещенье веток за окошком.
Река смиренна подо льдом...
Смиренна я. Смиренна кошка,
И, боже мой, с каким трудом
Я просыпаюсь понемножку.

Аутотренинг прост, но мил:
Сперва припомню всё плохое –
Больницы, пьянки, Соммервиль,
Как ужас после перепоя,
Как сказку, что страшней, чем быть.

Передо мною до сих пор,
Как сон в горячке малярии,
Орлиный португальский взор,
И получеловечий вздор,
И вопль из подпола: «Мария!»

И день от дня неотличимы,
И радость, что стремится прочь,
Бесперспективность перспективы,
Суицидальные мотивы,
И утро, что темней, чем ночь.

Но если был какой-то луч
В непривлекательном пейзаже,
И если что-то среди туч
Светило мне и грело даже,

И придавало смысл подчас
Моим бессмысленным движениям -
То это было выраженье
Твоих до боли синих глаз,
Предотвращавшее крушенье.

Твой взор холодным сроду не был.
Воспоминания любя,
В глазах твоих я вижу небо,
Когда плету я былъ иль небыль,
И няней чувствую себя.

Когда наговорившись всласть,
Забыв, где я, в какой квартире,
Я засыпаю на Ривире,
Я над собою чую власть,
И вновь с собой и с миром в мире.

Для моря нужные слова
Найду я следом за тобою...
Хваля же море поутру,
Я лицемерю, то-есть вру.
Что мне, знакомой с синевою,
Пустого моря синева?

С тобой всегда мне жизнь длинна.
И за окном - что свет, что темень,
Что разговоров мелкотемье,
Что размышлений глубина?
Мы останавливаем время.

Кто говорит, что жизнь мудра?
Не нам обманывать друг друга.
Спешить туда нам не пора,
Где мудрость - старости сестра
И равнодушия подруга.

А если радость иль беда...
Что там нам дорого к обеду? –
Твоё коротенькое «еду»,
Моё восторженное «да».

Витусе
Коллаж за неделю

*Я за спиной ощущала крыла,
Когда в мою жизнь эта тема вошла.*

*Я мыслью парила и шила жакет,
Когда я впервые задумалась... Нет,*

*Когда предложили задуматься мне
О маленькой, полной загадок стране.*

*И чтобы сложить это стихотворенье,
Я предпочла чешую оперенью.*

*Я сердцем на запад, душой на восток.
О, сакура madre! Японский мой бог!*

На выставке японской, чуть дыша
(Где залы убраны как раз в японском вкусе),
Случайно оказались мы с Витусей,
Из бани возвращаясь не спеша

(Витуся вызывала состраданье
Оторванная баней от вязанья).

Там, не боясь нанести душе урона,
Я грезила, не смысля ни черта...
(Прелестнейшая русская черта).
Японки, бледноликие матроны
И наши толстозадые матрены,
Востоковедши — гейшам не чета.

И я бродила, изредка скосив
Зеленый глаз на импортную вазу,
И доверяла почитанью слив
И не зевнула, кажется, ни разу
(У Виты разрешенья не спросив).
И удивляясь куклам всех мастей,
Я думала, что нынче жду гостей,
Что их кормить обрыдло колбасой,
Что у японцев все же взгляд косой...

И тут, гляжу, недалеко от входа –
Скопление советского народа.
Рефлекс сработал - я слилась с толпой,
(Узнав, конечно, кто из них последний),
Пролезла первой. (Это не впервой:
У нас не служат робким две обедни),
И вот стою пред самою стеной,
На коей удивительные речи

Вошли в мой воспаленный мозг картечью
(Запущенной еще с Бородино)
О празднике, что празднуют далече
В Японии, где все подведено
Под некий ритуал, что длится вечно
(Я это в клубе видела, в кино).
Там говорится: чтобы сильным быть,
На карпа нужно внешне походить.

Чтобы японец юный возмужал,
Ему не дарят так, как на Кавказе
Или у нас, в Монголии, кинжал.
Мужают там без наших безобразий,
Нет водки, драк и баб ни в коем разе, -
Культура, словом, старится душа.
Чтоб смелым быть и мужественным тоже,
Он сети должен бросить в океан
И посидеть с невозмутимой рожей,
Пока не заплывет в его капкан
Рыбец, шемая, жерех и тарань,
Усач, маринка, вобла и сазан –
Семейство карпа, если карп не может.

(Узнала я сегодня в гастрономе:
В прудах разводят карпов и у нас,
Чтоб приумножить силу в каждом доме
И увеличить армию зараз).

Ищу Витусю, чтоб узнать, не скрою,
Чем карп силен, что мечет карп икрою.
Гляжу, из разных пятен и полос
На совесть скроенный и сшит суровой ниткой
Как стяг державный - дыбится колосс -
Гигантский карп, по виду очень прыткий
(Так думала Витуся, не дыша, -
Приучена оценивать искусство, -
Чуть издали, прищурясь, не спеша
(По воле моего карандаша).

Смотрели издали, а также и вблизи —
Уязвлены незнанием мы были.
Возможно, что-то он символизи
Рует, но что? Мы близко подходили,
Мы подлезали под его живот,
Искали символ мужества и силы
(Карп, кстати, снизу тоже очень милый,
Но там все то же, что наоборот)
И голову ломая: где ж оно,
Мы мерно теребили кимоно.

Японскую культуру я прошла,
Но музыку отвергнув по привычке,
Ломлюсь в искусство со своей отмычкой,
Что в жизнь вломиться мне не помогла...
И хаос в голове до лучшей доли -
Японцы, рис едящие без соли,

И ты, возвращенная на доремифасоли,
Твоей души два трепетных крыла...
Узнаю я, балет вообще зачем,
Обещано мне впредь знакомство с венгром...
Парю безмолвно с карпом на плече
Как голубь Пикассо в картине Энгра.

Для радости души твоей, Витусь,
Моих желаний я не счесть боюсь.
Быть может, чтобы ты была счастливой,
Нам вырастить огромнейшую сливу
И променять, как в царстве, на коня...

(Как променяла, кстати, Утамаре
На твой шашлык на празднике Тамары)...

Вите Г.

Я вижу пляж. И летний день.
И ты на пляже. День. Истома.
И ты один, вдали от дома.
Лежать и плавать равно лень.

И мысль ленивая течёт,
Что жизнь проходит не напрасно:
Жена играет. Жизнь прекрасна.
И будет так из года в год.

Пока же мысль твоя текла,
И сердце не давало сбоя,
Твой глаз открылся сам собою,
А рядом - женские тела!

Тут мысль шевелится слегка
В башке любого мужика...
А, может быть, не мысль, и даже
Не в голове, а так... На пляже.

Коленки, плечи, ягодицы,
Зовущий взгляд, игрива речь.
Одно спасение - напиться
И честь супружества сберечь.

И, всех на свете баб кляня,
Ты из штанов достанешь флягу,
И с тихим стоном «чур меня!»
Вольёшь в себя хмельную влагу.

Ты хочешь знать, при чём бинокль?
Чтоб среди бёдер, ног и талий
Смог разглядеть свою Наталью
И в стороны смотреть не мог.

Будь счастлив. Только вдаль смотри,
Оно полезней для здоровья.
Страшнее баб лишь птичий грипп,
А также бешенство коровье...

Анюте

Ах, милая Анюта, живёшь ты слишком долго,
Так долго, что неловко и цифру называть.
И это вот застолье, друзья из чувства долга,
Из чувства долга - дочка, из чувства долга - зять...

Да ладно б зять приличный, с еврейскими корнями,
Хоть с веточкой еврейской, или хотя б с листом...
Иль хоть американца сыскали б между нами,
С еврейскою роднёю и русского притом...

Ты погляди, Анюта, ты на кого похожа?
При зяте-неиспанце и жизнь была б другой...
Наш сын сказал, что Брыльска своею польской рожей
Тебя напоминает то ль глазом, то ль ногой...

Зачем в твои-то годы модельная фигура?
Зачем любовь к Володьке, ведь он, поди, старик?
Зачем твоя святая любовь к литературе,
К которой бедный Вовка, надеюсь, не привык?

Я тут нашла у классика про то, как жил он в Нэтике
И как на третьей строчке собачку поливал,
И заводил диванчик, и засыпал в буфетике,
И счастием грозился, а сам в Бруклайн слинял.

Сложись бы жизнь иначе, и я жила бы сладко.
Своей бы кошке спяну я б рыбку завела.
И зятя, что таскал мне без меры шоколадки.
Но зять не заведётся, раз сына родила...

И, классику внимая, забочусь о здоровье,
И всем напоминаю: природа - ваша мать!
И умиляюсь, встретив чего-нибудь коровье,
И босиком хожу я от головы до пят.

Завистливые речи подруга да простит мне.
Давно я эту зависть в душе своей коплю.
Мне нравится Анюта, что более противно,
Чем тот банальный фактик, что я её люблю.

Иосифу

До дыр затёрты все слова
И восклицанья...
От них опухла голова.
Но пожеланья...
Они прекрасны, как и ты,
И неизменны,
Они то сложны, то просты
Попеременно:
Пусть тех, кто дьявольски умён
Не тронет время.
Чтоб говорили: это Он,
Любимый всеми.
Будь, как всегда, с друзьями прост,
И сложен также.
Пускай от сердца к сердцу мост
Послушно ляжет.
Мы ж дорожим в тебе и тем,
Что хлебосолен.
Да будет шириться круг тем
В твоём застолье!

Веде

Идя на этот полу-День,
Точней, рожденья половину,
Я думала, чего надеть,
И как подарок глупо выну...

Как половчее увязать
Так долго жданное собрание,
И эти светлые глаза,
Что полны ласки и вниманья.

И как в словах соединить
Всё то, что несоединимо?
Пообещать тебя любить?
Но нами ты и так любима.

Я поверну всё это ловко,
(Как демагог - я рекордсмен).
Так, скажем, синяя ветровка –
Пусть будет к ветру перемен.

Пусть не коснутся перемены
Всего, что лучшего есть в людях,
Пусть дружба будет неизменной,
А также - это словоблудье.

Пусть стройность
Веды будет той же,
(Чему завидую я жарко).
Желаю счастья, если можно,
Здоровья, и...терпенья с Марком.

А инфантильной этой штучке –
Названья нет. Целую ручки.

**Анне К. -
Посвящения**

Зинаида Гиппиус

Доступное другим ей только снится.
Перед глазами всё двоится, четверится.
Стихами прошлое отмолено у Бога.
Грехов так мало было... а хотелось - много...

Анна Ахматова

Ни взлёты, ни паденья наших судеб
Она в стихе и в песне не осудит.
Ну, разве посмеётся иногда...
Она бы вам напоминала вора,
Когда б вы знали из какого сора
Берёт сюжет, не ведая стыда.

Белла Ахмадулина

О, бледность щёк и явственность ресниц!
О, строгобровость и сверхтомность взгляда!
О, поступь, перенятая у птиц!
О, крутизна всего, что под нарядом!...
Как жаль! Нелюбопытным мало дела,
В какой стихи родятся части тела...

Игорь Северянин

Твои стихи меня манили,
Как маниола, как вино.
Над нами горы сине плыли...
Но всё равно
Я всё смотрел на шеи гладкость,
На декольте...
Со мной бывали ленинградки,
Но всё - не те...
Я заплутал в твоих тенетах,
И, остужая юный пыл,
В моей душе - кочан сонетов,
Тобою сочинённых, плыл.

Янику

Мы в любимые игры играем,
Или просто следим за игрой.
Мы мечтаем, мечтаем, мечтаем
И осенней, и летней порой.

Пусть на гольфовом поле зелёном
Не тускнеет трава круглый год.
Пусть царевна-лягушка с любовью
Мячик счастья тебе принесёт.

Пусть скорей обернётся царевной
И царевичу станет подстать.
И напомнит тебе, что, наверно,
В игры разные можно играть...

Подруге

Слова все сказаны, и песни, вроде, спеты...
И юмору осталось лишь на дне.
Богатое рожденьями лето
Оставит память и об этом дне.

Как надоел привычный ход событий.
Чередованье вёсен, лет и зим.
И никуда из круга нам не выйти,
Ведь мы от дат зависим, и скользим

По кем-то там намеченной дороге,
Кому-то покоряемся: веди!
Какое счастье, что мы все - не боги
И мы не знаем, что там впереди.

Что пожелать тебе - давно не знаю.
Пусть будет длинным этот перегон.
А прочие банальности - оставим.
Живи подольше. Больше - ничего.

Иосифу

Иосиф, думал ты когда-то,
Что в быстротечьи бытия
Стремительно круглеют даты,
И как послушные солдаты,
Мы ищем повод для питья?

Сейчас начнутся разговоры
О том, что молод ты опять,
Что «тянешь» ты на двадцать пять,
Про молодую прыть и стать,
И много всяческого вздора.

Вот парадокс на все века:
Ну кто, мой друг, считаться будет,
Кто стар, кто молод, но пока...
Мы, разновозрастные люди,
Любить готовы старика,
что стариком не скоро будет.

Наш милый седовласый друг
А ты хотел бы разве,
Чтоб громко зачитали вслух
Весь перечень твоих заслуг,
Испортив этим праздник?

Чтоб в разговорах о тебе
Напомнили о детстве,
Заслугах, жизненной борьбе,
И о завиднейшей судьбе,
Как в Адресах советских?

У нас есть лучший пьедестал:
Тебя мы любим страстно.
Ты потому-то и нестар,
Что слабым памятью не стал,
И помнишь всё прекрасно...

Но, если очень хочешь ты
Сорвать почтения цветы,
Мы можем выпить стоя!
Как, впрочем, пили все года,
Вчера, сегодня и всегда,
Аж со времён «застоя».

***Маркуше –
поздравление с окончанием
строительства
еще одного дома***

Ну, что, Маркуш?
Давно не ново,
Что всё вокруг
Опять хреново...

Но есть оазис в этом мире:
Всегда тепло в твоей квартире,
И есть, чем горло промочить,
И посмеяться и попеть
(Пускай дурными голосами,
Зато собой довольны сами.
Да много ль нужно тут уметь!)

Но есть ещё одно местечко:
Там под горою, вроде, речка...
А, может, море или пруд.
(Всё как-то ноги не дойдут)...

Но путник праздный, не чета мне,
Привстав на пне или на камне,
Увидит терем небольшой,

И, с просветлённой душой,
Попрётся дальше, не поняв
Ни сути этого пейзажа,
Ни интуиции не вняв.

Идиллия на той картине:
Дом с унитазом посредине,
Кругом - прекрасная земля,
Берёзка сердце рвёт на части,
Но будь в твоей, Маркуша, власти,
То были б минные поля...

Ведь ты горбатишься не для
Туристов, белок, ротозеев.
Ты, поле дикое засеяв
Картошкой, репой, чесноком,
Друзей приветить. Этот дом,
Что вверх стремится - камуфляж.
Там вниз сбегают половицы
На восемнадцатый этаж.

Там бункер настоящий самый
На зависть прихвостням Осамы
Ты оборудовать сумел,
Поскольку ты рукаст и смел.

Винтовки, ружья, автоматы...
В твоём доме не слышно мата...
Священна миссия твоя –
Пускай спасутся все друзья.

Слыхала, ты вчера припёр
Со свалки бронетранспортёр.
И вот уже котору ночку
Ты точишь длинную заточку.
Ну не угроза ль это разве,
Хотя бы и московской язве?

А если федералы спросят,
Что он в свой дом всё время носит,
Он, стоя на пороге дома,
Ответит: «Сбор металлолома
Я оборудовал в избе
На радость людям и себе».

Спасёмся мы твоим стараньем.
И, поглядевши утром ранним
На приближение зимы,
Мы выпьем, чтоб пилось всегда нам,
Прекрасным рыцарям и дамам,
За вечный пир, но без чумы!

А что же до тебя, Маркуша,
Поскольку ты мне друг и брат,
Любую заповедь нарушу,
И за твою живую душу
Я выпью хоть денатурат!

Ольге Ф.

Как упоительны у Ольги вечера...
Мы упоиться рады, если есть закуска.
Блины, пирог, икра, соленая капуста...
Как упоительны у Ольги вечера.

Как зажигательны у Ольги вечера...
Не избежать изжоги утром после водки.
Но при большой любви достаточно селёдки.
Как зажигательны у Ольги вечера.

Как умозрительны у Ольги вечера...
Здесь зрят умом, а также сердцем и душою.
Душа незрячая не может быть большою.
Как умозрительны у Ольги вечера.

Как утомительны у Ольги вечера...
Томленье каши на плите, томленье духа.
К тому ж квартира у неё от Авербуха.
Как утомительны у Ольги вечера...

Голе

Ты так красив. Здесь неуместен спор.
Но всё же непонятно до сих пор:
Так много женщин, жаждущих вниманья,
А ты не видишь ни одной в упор.

Ты всем хорош. И ты не пьёшь вина.
Но чтить мужской закон ты несполна:
С тобой всегда сладчайшая из женщин,
Пусть лучшая из всех, но почему одна?

Она судьбу тебе передала,
Не лезла сроду в мужнины дела,
И тоже без изъянов (даже скушно!),
Ну, разве что тебя не родила...

Но если уж ты всё-таки рождён
И выбрал даму, коей побеждён,
Твой день рожденья праздновать отдельно
Не только неприлично - моветон!

Поэтому отныне и навеки
Мы, отмечая праздничные вехи,
Пьём вдвое больше, чем за одного!
За вас, мои родные человеки!

Римме

Езжай хоть в Жмеринку, хоть в Рим,
Нигде подобных нету Римм.

А если есть какая Римма –
То вряд ли Димою любима.

Поскольку мы давно лишь с Димой
Воспринимаем нашу Римму.

Вы, кстати, милая подружка,
Как раньше, спите без подушки?

А, впрочем, если чувств немало,
Спать можно и без одеяла.

Тебя и Марк с привычной лаской
Зовёт принцессою испанской.

Но будь ты даже колченогой,
К тебе б мы чувств питали много.

И всё ж для глаза очень кстати
Твои божественные стати.

Что позже нас могло сроднить?
Желанье дальше вместе пить.

Хотя сейчас, как ни крутите,
У нас поменьше этой прыти.

Зато сейчас другое есть –
Желанье бесконечно есть.

Надеюсь, будем мы и ныне
Есть нечто с дыркой в середине.

Стишки мои рождались в муках...
А потому молчу о внуках,

О бабкиной прекрасной доле,
И о твоей родне. Тем боле,

Твои усилия видны:
Родни твоей здесь полстраны.

Плести и дальше слов орнамент
Не позволяет мне регламент.

И нам неинтересно, Римма,
За что ты нами так любима.

К тому же нам побарабану
Любить тебя стрезва иль спьяну.

Свете и Гене

Пусть этот мир такой большой –
Над ним мы чуем власть,
Поскольку в нём душа с душой
Давным давно слилась.
Не знаем мы, который бог
С небес глядит на нас,
И на которой из дорог
Он нас спасал не раз.

Пусть знают боги, как нам жить,
Куда ведёт стезя, -
Мы ж выбираем, что - забыть,
А что - забыть нельзя.
Пусть этот вальс звучит для нас
Сегодня и всегда.
Пусть обещает этот вальс
Нам долгие года.

Глаза друзей глядят на нас,
И чувствуем мы вновь,
Как в выраженьи этих глаз
Читается любовь.

Мы снова молоды с тобой,
Не зная до сих пор,
Хупа ль над нашей головой
Иль нежности шатёр.

Понять друг друга потому
У нас достанет сил,
Что если больно одному -
Другому свет не мил.
И если нас коснётся грусть,
А плакать нету сил,
Мы улыбнёмся: ну и пусть!
И вместе погрустим.

Таня Лоскутова

О Тане Лоскутовой

Всё радует в тебе: и вздорность, и послушность,
И переимчивости детской простодушность,
И вольный бег руки над белою бумагой,
И нетерпенье жест перед хмельною влагой,

И действий простота, и ощущений сложность,
И самый дерзкий риск, и бабья осторожность,
И неуменье ждать, и выдержка без меры,
И дьявольский цинизм, и безоглядность веры,

И щедрость без границ, и склонность к авантюре,
И лёгкость странная в недевической фигуре,
И лень, и быстрый ум, и ветренность, и нежность,
И памяти твоей прелестная небрежность...

Вита Вайнер